

Ольга КОРТУСОВА

С ЧИСТОГО ЛИСТА

Свернулись калачиком кошки и тучки,
и после дождя распрямились пионы,
по синей дороге со мною за ручку
шагает весёлый ребёнок.

А синяя крыша у кирхи отмыта
и светится, греясь под солнцем;
и голубь, наверное, с третьей попытки
садится на скате подсохшем.

Всё в мягкой улыбке и холе, и неге,
как будто ещё в колыбели.

Растения в счастье пустили побеги,
цветочками заголубели.

Если в наших палестинах
вы окажетесь случайно,
то февральские грустины
будут явны изначально,

из печалей многолетних
прорастали семенами,
разрослись густые плети,
поливаемые нами
ежедневными слезами,
умилённою молитвой.
Мы взрастили это сами,
а пора бы срезать бритвой.

Но у нас живёт в подполье
смех и нежная решимость,
а при них стихают боли,
и, уже неустрашимы

прошлой памятью, смеёмся
и влюбляемся украдкой.
Так что в наших палестинах
скоро будет всё в порядке.

А когда насупит брови
память каменная, злая,
и опять меня изловит...
И рыдать меня заставит...

Что поделать, что поделать...
Это всё ещё бывает.
Но вчера поутру пелось...
Так что я не унываю.

Одиночество вечера волшебно сверкает –
снегом усыпано, воздух чист,
чёрный как занавес – раздвинь руками
и загляни за кулисы . И...
Нет, не рассказывай мне. Не надо.
Сказку на ночь с хорошим концом
читает вечер. Волшебное снадобье
для души утомившейся – сон
одинокого вечера. Спите, спите,
пусть вам пригрезится море , юг,
волны Балтики или Питер,
искорки снега, звеня, споют
о немыслимом и неведомом,
в них откликается эхом кристалл
звёздный, призрачный. Что наши беды...
Пусть ты грустишь и устал –
вечер твой. Истиной полнится,
одет с иголочки, рыбы теней
звонами серебристыми кормятся,
на освещённой его стороне.

С дородной важностью гусынь
сугробы улеглись вдоль улицы,
прохожие от солнца жмурятся,
и греют красные носы.

Студёно. В самой вышине,
с вершины неживой берёзы
вороны каркают серьёзно
о неизбежном, о весне.

Им сверху всё-таки видней,
к ним неба новости и вести

доходят раньше. Воздух жёстью
лица коснулся. Холодной

и ярче . Жалости не зная,
мороз объятия смыкает.
На лапах ели мёртвый снег
черствеет в предпоследнем сне.

Попутал бес. И путает. Темно
на этом свете. Рождество наступит
через неделю. А пока в окно
заглядывают страшности и жути.

И на душе тревога без причин
волною зыбкой. Треплется тростинка
позёмкою, всё кажется, горчит,
и огорчает , всюду есть перчинка.

В весёлой шутке детской и простой,
и в баночке любимого варенья,
и нежности тяжёлой и густой,
и в сладкой глубине стихотворенья.

В туннель уходим с риском не найти
рассветный выход. Время тёмной силы.
Последний поезд, Господи, прости,
декабрьских нас, усталых и унылых.

И тени наши чёрные при нас,
сильнее нас, питаемые темью,
возможно, победят на этот раз,
а мы исчезнем навсегда мгновенно.

Весь этот бред, кошмары прошлых лет,
ловушки чувств и мысли бесовские,
источники несчастий, ссор и бед,
и будят страсти сплетни городские...
Ещё неделя тягости и зла.
Всего неделя неблагодеяний.
Она по меркам вечности мала.
По меркам межпланетных расстояний.

А знаешь ли ты, что вещи
помнят и узнают,

точно ручные звери,
которым ты дал приют.

В них образ твой стародавний
остался, его не стереть,
и ты для них самый главный –
можешь любить и греть.

И, подчиняясь охотно,
старых обид не тая,
вещь проявляет кроткость,
поскольку она – твоя.

И в странном её послушанье
есть давнее волшебство,
я думаю: это тайна,
скрывающая родство.

Вещь – твоё порожденье
и продолженье твоё.
Желаний и сил сложенье
вещи воссоздаёт

из жизненной ткани. Ясно,
что ты – повелитель вещей.
Вот с этим всем я согласна.
Но зонтик в прихожей – чей?

Я просто эхо – не плача-смеха,
и плач порою приму за смех,
я только отклик – второй ? второе?
вторая скрипка? И да и нет.
Я блик и оклик, я отраженье
на водной глади, где блеск и дрожь.
И мне бы надо просить прощенья
у вас, у первых моих, за ложь,
за искривленье прямого стана,
и за размытость прекрасных черт,
я не смогу вам пропеть осанну,
вы не дождётесь прямых речей
благодаренья. Я то и это –
игра , забава, обман, фантом.
Но смело смейтесь, хохочет лето,
играя с рыжим своим хвостом.

И – с чистого листа...
Зелёный клейкий лист
ладошкою протянут для пожатья.
Из тьмы небытия , неведомого из,
проникший в жизнь , от ветерка дрожащий .

Трепещущий флажок на ветке одинок,
открыт для всех страниц для почтения,
он изумрудный звон костром в себе разжёт
священным.

Всё с нового листа. И первая строка
даётся листиком на дереве весеннем.
Зазеленела вдруг у тополя рука,
и это – воскресенье.

Полощет небо облака крутые
в таёжной лёгкой речке небольшой
с живой водою, заросли густые
кудрявой зелени по берегам . Прошёл

недавно дождь. Нет, он не задержался,
мальчишкой голенастым ускакал
за горизонт и скрылся. Эй! до завтра!
Зудит настойчиво комарик у виска,

напоминая о своём , насущном.
А я смотрю на воду в облаках
и постепенно таю .Слушай... Слушай!
Что говорит бегущая река.

Как говорит. Вздохлёб, слегка картавя,
ломаая ритм, теряя всякий смысл,
как круглый камушек во рту катает,
бубнит ворчливо, огибая мыс.

Так в поисках словесных сочетаний
невнятицы слетают с языка,
и в тысячах осиновых листаний
есть слово, неизвестное пока.